

Вениамин Каверин:

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

ЖИВЕШЬ ДЛЯ СЧАСТЬЯ, А СЧАСТЬЕ В РАБОТЕ

Отдавая дань памяти своим литературным учителям, Вениамин Каверин напишет в книге «Освещенные окна»: «Они сделали то, что уже в двадцать лет ничто не могло выбить из моей руки перо и, когда выбор остановился на прозе, научили меня, оставаясь самим собой». Что говорить, редко кому из прозаиков удается быть до такой степени верным самому себе, основным направлениям своего творчества, как В. Каверину. Его всегда интересовало многое: от тайны неопубликованной рукописи, научного открытия до нравственных проблем века. И в этих проблемах, тайнах, открытиях он умел найти себя. Каверин смотрит на мир внимательными, не уставшими от множества прочитанных и написанных книг глазами. А мы не устаем перечитывать его книги.

Счастлив мастер, перу которого подвластно многое, в том числе и неподвластность времени. Когда «живешь для счастья, а счастье в работе».

Еще одна черта его писательского почерка — каждая написанная им вещь оказывается созвучна тем острым спорам, которые ведутся в обществе по актуальным на данном этапе проблемам. Так, недавно опубликованная повесть «Загадка», где автор ставит и пытается художественно разрешить проблемы воспитания, оказалась созвучна обсуждению задач, стоящих перед современной школой.

С разговора об этой повести, о проблемах сегодняшней школы началась наша беседа с Кавериним.

— Повестью «Загадка» я хотел подчеркнуть всю сложность подхода к современным пятнадцатилетним девушкам и юношам, хотел показать, что между педагогами и многими подростками лежит пропасть, через которую невозможно перебросить мост без умения поставить себя на их место. Приходится сталкиваться с тем, что примеры предшествующих поколений подросткам кажутся неубедительными, как неубедительными, а следовательно, и бездейственными кажутся им примеры из опыта родителей и педагогов. Все, кто занимается вопросами воспитания, знают, что пример не играет решающей роли. Поэтому даже самые беспримысленные примеры из жизни выдающихся людей оборачиваются в устах иного педагога холодной, надоевшей назидательностью.

Решение этого вопроса, как всегда, упирается в необходимость вырастить таких педагогов, которые бы терпеливо, умело смогли передавать опыт предшествующих поколений. К сожалению, в наши педагогические вузы часто идут люди, не особенно склонные к педагогике. Необходим строжайший отбор. Я слышал, например, об опыте ленинградского учителя Е. Ильина, который вместе с директором школы ввел педагогические классы. Эти классы дают возможность подготовить учащихся к учительской профессии. Ребята с ранних лет овладевают элементами педагогического мастерства. И я разделяю мысль, что этот опыт должен быть распространен на многие школы. Должен, впрочем, напомнить, что подобный принцип обучения был принят в псковской Мариинской гимназии еще до революции. В романе «Освещенные окна» я рассказываю о девушке, которая училась в педагогическом классе.

— В «Загадке» привлекает та добрая основа, на которой дети объединяются во имя будущего. Объединяются все герои, кроме одного, Пети Бугаева. Петя дерзит, плохо учится, и мы понимаем, что во многом это из-за его неустroенной жизни дома — брань, побои вечно пьяного отца. За этим видится уже не школьная, а тесно связанная с ней проблема семейных отношений.

— Бугаев не выдуман, это реальная фигура. Его характеру свойственна одна черта — сопротивление влиянию отца и педагогов. Чем этот протест обернется в будущем? Сейчас я пишу новый рассказ, который будет называться «Разгадка», и повествование в нем ведется от лица Пети Бугаева. Настало время более откровенно поговорить о семейной атмосфере. Я, например, родился в многодетной семье. Нас было шестеро. В раннем детстве никто на меня особого внимания не обращал, и я был этим очень расстроен. Для меня примером служил старший брат, и я с глубоким интересом прислушивался к разговорам его и его друзей об Ибсене, Блоке, Брюсове, Сологубе. Я очень обязан судьбе, сделавшей меня случайным свидетелем этих разговоров и отношений. Одним из друзей моего брата был Юрий Тынянов, другим — Август Андреевич Летавет, член Академии медицинских наук, заслуженный мастер спорта — его именем названа одна из снеговых вершин — «пик Летавета». Считаю, что мне очень повезло, хотя в целом наша семья едва ли может служить признанным примером.

Ни с чем не сравнимую роль в воспитании играет чтение. К сожалению, в школьной практике чтение порой отесняется на задний план. Я не случайно посвятил последнюю повесть ялтинским учителям, мужу и жене М. И. и П. С. Саньковым, — они глубоко понимают все таинства чтения, все его загадки и откровения.

— Возвращаясь к повести

«Загадка», о которой продолжают спорить читатели, в том числе и педагоги, хочу попросить вас сказать несколько слов о главной героине — Галине Петровне. Она бесстрастно наблюдает за далекими от идеальных поступками детей, при этом холодно рассуждая, что в них есть «что-то безнравственное». Чем объяснить эту бесстрастность, холодность?

— Галина Петровна, по кличке «тетушка Ло», не бесстрашна. Она беспомощна. Она не может справиться ни с одной из поставленных перед ней педагогических задач. Этому мешают не только отношения, которые сложились среди самих школьников, но и перегруженность отчетами, бесконечные проверки работы учителей. Она пытается разрешить «загадку», но разрешить ее не сможет.

— Очевидно, Галина Петровна не сможет ее разрешить, потому что натура бездейственная, рефлексирующая. Она и не пытается как-то вмешаться в жизнь своих учеников.

— Да, но я и не пытался сделать из нее положительную героиню. Вообще с героями надо обращаться осторожно. «Открытую книгу», например, я писал 8 лет. Буквально шел по следам событий жизни моей героини, и все-таки она мне не удалась, кажется, в полной мере.

О положительном герое стали говорить давно. Но чтобы создать убедительный образ такого героя, нужно много времени и еще больше сил. А у нас за последнее время появилось множество скороспелых романов, в которых подлинный герой не создан, а приблизительно нарисован. А ведь мало найти героя, нужно еще показать его внутренний рост. Сотников из повести В. Быкова, конечно, положительный герой, и — редкий случай — для его раскрытия не требуется показа его роста, внутреннего развития. Но есть множество героев, которые без этого просто немыслимы, так как только история роста может читателя убедить в их тождестве с действительной жизнью. В процессе создания своего героя писатель должен больше думать о нем, чем о своем честолюбии. Не так уж и редко приходилось видеть, как под тяжестью непомерного честолюбия гибнут подлинные таланты.

— Ваши герои растут, меняются на глазах у читателя, и многие из них входят в нашу жизнь надолго, как добрые друзья. Интересно узнать, кто будет следующим вашим героем?

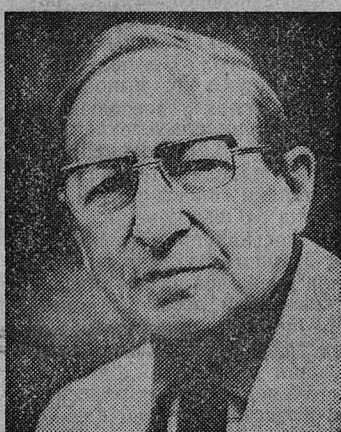
— Так случилось, что в новой готовящейся к публикации повести «Летающий почерк» я также рассказываю о подростке. Это юноша, который отказался поступать в вуз и идет на производство. Писать положительного героя было нетрудно, так как он сам, будучи волевым человеком, построил свою жизнь. Ныне это 35-летний специалист по башенным кранам, и вот однажды он рассказал мне свою историю.

У И. Грековой во «Вдовьем парохде» есть аналогичный персонаж: подросток, который, как и мой герой, отказывается лгать. Только он у нее несчастлив, а у меня наоборот. И еще это повесть о первой любви, которая либо ломает человека, либо дает ему новые силы.

— В каком из жанров вам наиболее интересно работать?

— Настоящий литератор должен уметь работать во всех жанрах. Как известно, Пушкин блестяще работал во всех жанрах. В поэзии от «Сказки о попе и о работнике его Балды» до «Медного всадника».

— В своих выступлениях вы неоднократно говорили о том, что стремитесь к простоте и лаконичности при построении сюжета. Но ведь для каждого художника понятие «простоты», «лаконичности» имеет

свой, индивидуальный смысл? И что может быть сложнее этих простых понятий?

— Был такой период в 60-е годы, когда я увлекался лаконизмом. Под его знаком был написан «Двойной портрет». Потом, начитавшись современных прозаиков, я понял, что они умеют сочетать лаконизм с активно-поступательной деятельностью героя. Считаю, что наша литература замусорена как в стиле, так и в слове.

— Вы не раз выступали за чистоту русского языка.

— Я в своих произведениях вообще не употребляю иностранных слов или только те, которые уже вошли в ткань языка, срослись с ним. Таким же образом я не употребляю областных выражений. Некоторые думают, что, используя диалектизмы, они выигрывают.

— Можно ли так обобщать? А Валентин Распутин, например? Кроме того, не ведет ли это к изоляции, обеднению языка?

— Надо быть таким же талантливым, как Распутин, чтобы это делать. Что же касается обеднения языка, то убежден, что не приведет. Литературный язык развивается по свойственным ему законам, и вмешиваться в это развитие бесполезно, если не вредно. А вообще типы искажений русского языка неисчислимы, это не только канцеляризм, орнаментализм (украшение без цели), областные и иностранные словечки, но и многое, многое другое. Проводя подобные операции с языком, не нужно думать, что ты делаешь погоду в литературе, иначе неизбежно потерпишь крах. Я немного знаю иностранные языки и берусь утверждать, что русский язык богаче многих. Он достаточно богат, чтобы не нуждаться в различного рода украшениях.

— Лично меня ваши книги всегда привлекали еще и тем, что в них созданы яркие, своеобразные женские образы. Сейчас идут разговоры о том, что в литературе такое понятие, как «женский образ», утрачивается, и в жизни, и в литературе женщину рассматривают прежде всего с точки зрения ее профессии, общественного положения.

— Я считаю, что женским образом в современной литературе уделяется очень мало внимания. Женщину написать всегда труднее, чем мужчину. Какой бы профессией она ни была, она всегда прежде всего человек. У меня много женских образов. В романе «Перед зеркалом», который считаю своей лучшей книгой, я попытался раскрыть женский характер во всей его сложности.

— Многие ваши произведения экранизированы. Можно сказать, что вы в этом смысле удачливый автор. И все-таки неоднократно вы высказывали неудовольствие по поводу экранизаций. В чем тут дело? Что вам не нравится?

— Экранизация и драматизация моих произведений неудачны. Причина очень простая. Переложение на другой художественный язык только тогда достигнет своей цели, когда автор делает это произведение как бы независимым от оригинала, когда вкладывает в него свою душу и талант. Только тогда оно сможет существовать независимо от оригинала и быть ему равноценным.

— В одном из своих интервью 70-х годов вы говорили о том, что открыли для себя целый ряд новых писателей имен. Что вы можете пожелать молодым?

— Новое имя в литературе — это имя, которое движет или будет двигать литературу вперед. Оно должно иметь свои собственные, ни на кого не похожие черты.

Беседу вела
Г. ГРИБОВСКАЯ.